

Аргументы и факты - 1995 - окт. 48

8

РОСТРОПОВИЧ СТАВИТ В БОЛЬШОМ «ХОВАНЩИНУ»

НАСТРОЙКА ИНСТРУМЕНТА

- ...Видите? Так моя жизнь началась, отец был виолончелистом. А с оркестром я впервые сыграл в 13 лет.

- Интересно, а у кого учится Ростропович теперь?

- У всех. Вот мы сейчас ставим «Хованщину» в Большом, и я на репетиции к Борису Покровскому бегаю, как школяр. Я учусь даже у студентов! Как-то на Конкурсе им. П. И. Чайковского одна молодая виолончелистка исполняла концерт Шостаковича, который специально для меня написан, и который я всю жизнь играю. Играла она средне, но в одном месте такую аппликатуру придумала, до которой я за столько лет так и не дошел! Я это, конечно, стащил моментально.

- Интересно, когда в вас исполнитель окончательно победил композитора? Вы ведь баловались сочинительством, учились у Шостаковича.

- Шостакович - это мой идол, я перед ним всю жизнь преклоняюсь. Знаете, у него на столе под стеклом лежал портрет Мусоргского. Когда я спросил, зачем, он ответил: «Когда я смотрю в эти глаза, мне легче кидать свои произведения в корзину». Вот и у меня так: начал писать свою симфонию, через два дня вижу: о-очень похоже на Шостаковича, только намного хуже. Такая же была у меня история с Прокофьевым: бегал на репетиции Пятой симфонии, влюбился в эту лучезарную музыку, пришел домой, сел за стол... о-очень похоже на Прокофьева, но намного бледнее. И я понял, что я исполнитель по сути. По природе.

- Это значит, что вы легче воспроизводите, чем сочиняете?

- Это значит, что я способен преображаться. Исполнитель в музыке - это человек, меняющий свой вид, как хамелеон. Если вы меня спросите про моих любимых композиторов или произведения, я никогда не отвечу. Все, что я играю, я люблю до обморока.

- Тогда можно я спрошу: почему вы так полюбили политические акции? То к «Белому дому», то к Берлинской стене...

- Что вы, солнышко, я политику ненавижу! Просто у меня в жизни есть три великих дня: День Победы, конец путча и крушение Стены. Это символические вещи! Когда меня в 47 лет отсюда выгнали, моя жизнь разделилась как бы на две части, и первая была безвозвратно отсечена от второй. Символом двух этих разведенных жизней стала для меня Берлинская стена. Когда я увидел по телевизору (я тогда был в Париже), что на Стене толпа людей, и понял, что она рушится, я почти лишился чувств. В этот миг объединялись две мои жизни, мир становился единым! И поэтому я на следующий же день сел в самолет и приехал к этому святому месту - поиграть и просто помолиться Богу. Я хотел играть Баха в месте, где сливаются две мои жизни. Правда, я в эйфории забыл самое главное...

- Смычок?

- Нет, стул! Понимаете, я не привык ходить на концерт со своим стулом.

ВЫХОД

- Ну у вас-то уж, конечно, нет боязни выходить на сцену.

- Что вы! Это всегда так страшно! Очень трудно на высоте удержаться, когда ты ее достиг.

- А кроме этого, чего боитесь?

- Я высоты не люблю. Смотрю с шестого этажа, и такое чувство, что подщечивает в интимных местах... Хотя в самолете обожаю летать - это мое самое любимое место. Меня когда спрашивают, где я живу, я отвечаю - в самолете...

- ...ну и на сцене, конечно?

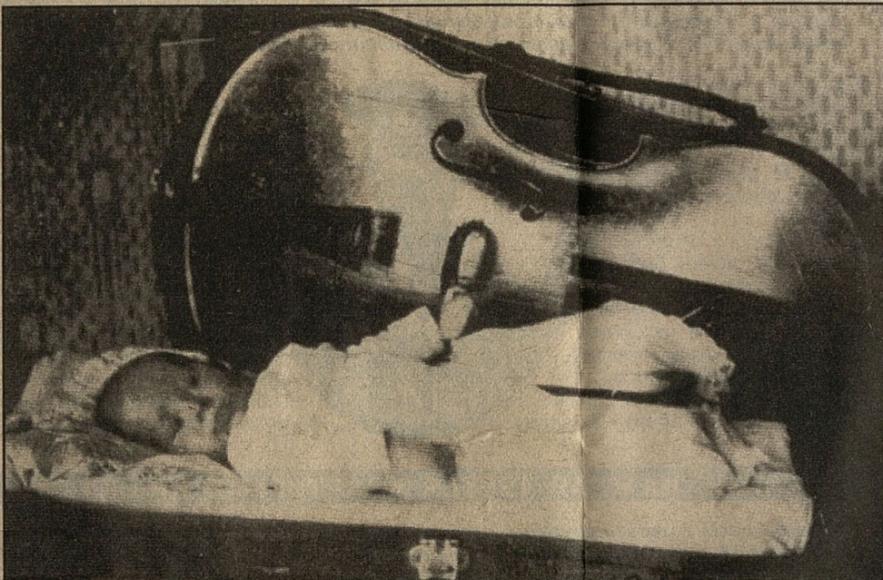
- Когда я играю концерт, то запоминаю, как на пленке, все детали. Я вам безошибочно могу сказать, на каком концерте в каком году какой пассаж у меня не вышел. Когда я беру первую ноту, я уже вижу последнюю. Как будто строю что-то, похожее на мост, и знаю, куда он ведет. Тут все зависит от того, как положен первый камень, поэтому одно исполнение не совпадает с другим.

- А когда играете, вы от всего отключаетесь или замечаете, что в зале происходит?

- Я превращаюсь в того, кто писал музыку. Когда я играю Шуберта, я чувствую, что у меня на месте лысины прорастают длинные волосы, что у меня манишка, сюртук... Я чувствую, что с ним в этот момент происходит! Вот в его сонате «Арледжионе» есть одно место, где он (я точно это знаю!) перестал сочинять музыку, подошел к окну и увидел, что идет дождь, а потом вернулся и продол-

Мстислав Ростропович: Концерт для человека-оркестра

Мстислав Леопольдович познакомился с виолончелью, когда ему был... месяц. Этот миг запечатлен на фотографии: младенец Ростропович, спящий вместо лодки в виолончельном футляре.

жал писать... Я это вижу! И так видит каждый исполнитель. Вот С. Рихтер мне однажды сказал: «Знаешь, во второй части седьмой сонаты Прокофьева мне кажется, что Прокофьев выходит гулять со своими двумя сыновьями». Для непосвященного странная ассоциация, да?

- Вы любите быть первооткрывателем. Как вам удается отбирать для себя сочинения «высшей пробы»?

- Ох... Не все, что я играю, замечательно. Но у меня на этот счет своя теория. Я считаю, что, если Бог не будет видеть, как я мучаюсь, он не пошлет мне хорошего произведения. Поэтому на одно гениальное сочинение приходится пять-шесть, в которых я... ну как вам сказать... немножко страдаю.

ВСТУПЛЕНИЕ ОРКЕСТРА

- Вам не трудно совмещать карьеру виолончелиста с дирижерской работой?

- Нет, они дополняют друг друга. У двух моих специальностей совсем разная психологическая основа. Виолончель - это мой голос. Я привык к ней, как к части своего тела, как певец к голосу - потому что нервные окончания моих пальцев непосредственно извлекают звук. Мы с ней вдвоем, и между нами никого нет. А когда я дирижирую, между мной и инструментом стоит второй человек.

- Вы оркестр воспринимаете как человека или как инструмент?

- Я пытаюсь любыми доступными путями передать исполнителю в оркестре то, что чувствую сам. Заставить его ощутить музыку по-моему любым способом - вплоть до гипноза, выражения лица и, конечно, мануальной техники.

- Вы с палочкой дирижуете?

- В зависимости от произведения. Лирические произведения для струнных я дирижирую без палочки.

Приходится страшно много работать. Оркестранты - как дети: они счастливы, когда видят, что дирижер запутался, как молодая учительница на уроке. Хорошо, что мне повезло, и я могу очень мало спать: четырех часов мне вполне достаточно. Есть время тщательно подготовиться.

- А чем вы дирижуете охотнее всего?

- Я очень люблю оперу. Потому что опера - это такой жанр, где человеческий характер и музыка связаны узлом. Вот «Хованщину» ставим, я в Мусоргского влез с головой и только сейчас понял, почему Шостакович столько времени потратил, чтобы его оркестровку реставрировать. Мусоргский - это первый музыкальный гений России... Я на оперу приезжаю каждый раз за полтора месяца до премьеры. А полтора месяца для меня - гигантский срок, у меня расписание составлено до 2000 года! Хотя нет, неправда, в 99-м еще есть «дырки».

- Вам с певцами Большого театра труднее работать, чем с западными звездами?

- Все певцы сейчас, к сожалению, заняты тем, чтобы показать свой голос. Это оперный штамп, и он везде. Художников, которые не боятся шептать - как

Шалапин не боялся, - очень мало, они исчезли как класс. Если композитор в партитуре букву «р» поставил, это значит рiano, тихо, здесь не нужно орать. Я говорю: «Можете тихо спеть?» А им трудно.

СОЛО ВИОЛОНЧЕЛИ

- К виолончели я уже привык до такой степени, что считаю ее женщиной. Я ее обнимаю, с ней делюсь... Она иногда мне шепчет что-то тайное, иногда кричит на меня, простужается, кашляет при плохой погоде... Дождь не любит - вообще, когда сыро, лучше ее не тревожить.

- То есть у вашей виолончели женский голос?

- У нее женский род! Виолончель ведь в русском языке женского рода! Между прочим, я в 87-м году с ужасом обнаружил, что, оказывается, во французском языке виолончель - мужского рода. Я просто ошеломил! В этот момент меня как раз избрали членом Французской Академии Бессмертных, и я должен был произнести часовую речь. В результате она носила крайне шуточный характер: я попросил академиков пересмотреть род виолончели. Ну что это за язык, в котором виолончель - мужчина, а контрабас - женщина!..

- В отношениях с виолончелью вы такой же однолюб, как в семейной жизни?

- Не могу похвастаться верностью в этом смысле - тут у меня два брака. Сначала я играл на виолончели Лоренцо Сториони, а потом ко мне попала первая виолончель мира - знаменитая страдиварьевская «Дюпор» 1711 г. Банкир, который был ее владельцем, сделал специальное завещание: продать ее только мне, а если я откажусь, оставить навечно в семье. Но я, конечно, откажусь не мог. На ней до сих пор хранится царапина Наполеона!

- Император Бонапарт еще и на виолончели играл?

- О, это очень интересная история! Один доктор из Лиона в начале XVIII в. попросил Страдивари сделать ему лучшую в мире виолончель. Страдивари сказал, что у него есть замечательное дерево, но стоит оно будет очень дорого. И представляет, когда в 1711 г. заказчик прикоснулся к новому инструменту, он отвалил Страдивари сумму в два раза большую, чем тот просил! Он в эту виолончель влюбился с первого взгляда - как я. Потом виолончель попала на аукцион и была куплена Дюпором - виолончелистом и композитором времен Наполеона - за 25 тысяч золотых франков, немислимую по тем временам сумму! Как-то Дюпор играл Наполеону. После концерта Наполеон пришел за кулисы и попросил Дюпора дать ему поиграть. А тогда у виолончелей не было внизу металлического шпилья - ее держали в ногах. Дюпор перепугался, протянул инструмент - Наполеон водрузил виолончель между ног и шпирой сделал огромную царапину.

- А вам самому приходилось выступать в роли придворного музыканта?

- Э-э, теперь уже короли мне сами играют! Вот японский император взял виолончель и для меня поиграл.

- И как?

- М-м... Я могу спокойно продолжать свою карьеру. Хотя его любовь к виолончели меня тронула.

ДУЭТ

- Про вас говорят, что Ростропович - «мягкий, как домашние тапочки»...

- Тапочки? Это замечательно. Это ведь так удобно!.. Я бы покончил с собой, если бы про меня сказали, что я - «туфли, которые на номер меньше ноги».

- Мягкость Ростроповича и есть секрет удачливости вашего брака с Галиной Вишневской?

- Благодаря нашему браку я получил сорок долларов от журнала «Ридерз Дайджест». За самый остроумный ответ. Они меня спросили, правда ли, что я женился на Вишневской на четвертый день знакомства, и что я могу по этому поводу сказать. Я ответил: «Жалею, что потерял четыре дня».

- А вас не раздражает, что в вашей семье лидер не вы, а ваша жена?

- Почему это должно раздражать? Я всегда уступаю. Всем - не только Гале. Если это, конечно, не касается принципиальных вещей.

- Вы в Вишневской что полюбили сначала - певицу или женщину?

- Что за вопрос? Женщину, конечно. И она ничего не знала про меня виолончелиста, еще полгода после нашей свадьбы мою фамилию выговорить не могла. У своей подруги спрашивала: «Слушай, Ростропович - он как, ничего играет?» Она меня сразила сразу и наповал. Я обедал в ресторане, и в этот момент вплыла Она... У меня аж кусок в горле застрял! Представляете, как я был потрясен, если при моей внешности смог покорить ее всего за четыре дня?

- Так если не секрет, чем берут такие кресты?

- Чувством юмора. Когда я ее увидел, из меня посыпался ливень шуток, острот каких-то, смешных историй... В последний день перед «капитуляцией» Галя руками держала себе щеки - боялась, что у нее от смеха морщины появятся: она без перерыва хохотала. Ну вот, досмеялась. Сорок лет уже смеется. Двое детей, шестеро внуков.

- Не считая собаки...

- Да-а, как же я забыл! Собаки у нас всю жизнь! Таксы - уже третье поколение. Нашу Вегу я всегда беру с собой, но сейчас она осталась в Париже, потому что в Москве я бы ее обрек на полное одиночество: по 10 часов в день репетирую.

- Мстислав Леопольдович, где, по-вашему, ваш дом - в Москве?

- Мне пришлось построить по всему миру «русские острова». Я ведь думал, что никогда не вернусь в Россию... Первую квартиру мы купили в Париже. Там у меня прижизненные издания Пушкина, Гоголя, картины - Россия XVIII-XIX веков. В Лозанне - Россия современная... Мы коллекционируем живопись, нас с Вишневской любят подлавливать на аукционах и сообщать потом в прессе, что почему мы купили.

- Ну интересно же, сколько у вас денег. Что покупают миллионеры.

- А я начинающий миллионер. Я меняю пот на пот. Играю концерт - и мучаюсь, потею. Потом получаю деньги и хочу обменять их на мучения другого художника.

- А куда вас первым делом ноги ведут, когда вы в Москву приезжаете?

- На кладбище. Я должен упасть на колени перед могилами друзей, которых потерял: Шостаковича, Гилельса, Ойстраха... Александра Дедюхина - партнера, с которым я играл 30 лет.

- Я все хотела спросить: как вас Галина Павловна отпустила в Москву во время путча?

- Ее просто не было в это время в Париже. А я сразу решил, что поеду в Москву умирать. Потому что, если все вернется обратно, какой тогда смысл? Я был уверен, что меня убьют. Приготовился...

- И так спокойно думали о смерти?

- А я к ней готов в любую секунду. Потому что у меня жизнь была полна счастья. Счастья, музыки, любви, друзей, тепла...

КОДА

- Знаете, я когда оперу дирижирую, у меня слезы текут. До того я переживаю за судьбы человеческие. Вот дирижирую «Онегина», и в сцене дуэли думаю - господи, зачем я здесь? Вот сейчас все брошу, уйду, и тогда Онегин - понимаете? - Онегин тогда Ленского не убьет...

Мария ВАРДЕНГА